

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Vattel, *Law of Nations*, Vol. III, Chap. IV, p. 131, 1758, English translation by Charles G. Fenwick; reprinted by Oceana Publications Inc., Dobbs Ferry, N.Y., 1964.
- 2 Oscar Schachter, "The Right of States to Use Armed Force," *Michigan Law Review*, Vol. 82, 1984, pp. 1620, 1642.
- 3 John Norton Moore, "The Control of Foreign Intervention in Internal Conflict," *Virginia Journal of International Law*, Vol. 9, 1969, pp. 205, 252.
- 4 „Народная Воля”, № 6, 23 октября 1881 г. или „Литература партии „Народная Воля”, М., 1930, стр. 127.
- 5 Michael Reisman, "Coercion and Self-Determination: Construing Charter Article 2(4)," *American Journal of International Law*, Vol. 78, 1984, p. 642.
- 6 Там же, p. 643
- 7 Oscar Schachter, "The Legality of Pro-Democratic Invasion," *American Journal of International Law*, Vol. 78, 1984, pp. 645, 649.
- 8 *Inaugural Addresses of the Presidents of the United States*, Washington: G.P.O., 1974, p. 268.
- 9 *The New York Times*, June 10, 1985, p. 19.
- 10 Humphrey Waldock, "The Regulation of The Use of Force by Individual States in International Law," *Recueil des Cours*, Vol. 81, 1952, pp. 451, 467.

Зденек Млинарж

ВОСКРЕШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И УМЕРЩВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ

Принятая в 1961 г. программа КПСС, безусловно, была программой Хрущева: через пять лет после XX съезда КПСС она как бы обобщала политику, которую Хрущев проводил на практике. Новую же программу КПСС никак нельзя назвать „программой Горбачева”. О ней можно сказать лишь, что она скорее определяет идеологическо-политические условия (часто даже ограничения), в которых Горбачев начал формулировать свою политическую линию.

Горбачев в качестве положительного момента отметил преемственность обеих программ. В определенном смысле, с этим можно согласиться: политику, которую Горбачев намерен проводить в будущем, он представляет тем самым как легитимную, заявляя при этом, что исходным пунктом его политики будет хрущевская эра. Такой факт, через 20 лет после свержения Хрущева, уж никак не может рассматриваться как само собой разумеющийся, и это — положительный знак. Какой бы ни была политика Хрущева, ее нельзя назвать политикой застоя, которую олицетворял собой Брежнев.

В то же время преемственность обеих программ демонстрирует неспособность советского руководства подвергнуть критическому анализу прошлое и настоящее. Оно до сих пор отказывается признать, что главная цель программы 1961 г. — построить в СССР к 1980 г. коммунизм — не только не была достигнута, но более того: практика минувших десятилетий

полностью дискредитировала программу „строительства коммунизма” не только в СССР, но и в мире.

Новая программа КПСС, правда, констатирует, что „в 70-е и в начале 80-х годов в развитии страны, наряду с достигнутыми и бесспорными успехами, имели место определенные неблагоприятные тенденции и трудности”, и что не были своевременно сферах жизни”. Это утверждение, однако, еще дальше от критического анализа успехов, чем заявления Хрущева о „деформациях, обусловленных культом личности Сталина” от критического анализа катастроф и трагедий в истории СССР до 1961 г. обусловленных культом личности Сталина”.

Призма умершвленной идеологии

Старая и новая программы КПСС рассматривают и мир и советское общество сквозь все ту же идеологическую призму, искажающую действительность в соответствии с заданной позицией, как будто бы двадцатипятилетнее развитие обществ свободного предпринимательства не принесло ничего нового. В соответствии с программой КПСС, главной опасностью, главным вызовом капитализму является наличие советской системы, которая указывает человечеству пути решения всех проблем. Именно поэтому „авангард всех сил мирового революционного процесса — международное коммунистическое движение”. Поскольку даже советская пропаганда не в состоянии доказать, что Коммунистическая партия США или партия Герберта Миса в ФРГ оказывают хоть какое-то влияние на положение в этих странах, из этого вытекает, что „мировой революционный процесс”, направленный на качественные изменения капитализма, в принципе не имеет места и ничего революционного в рамках капитализма не происходит.

В действительности, однако, все совершенно иначе. Октябрьская революция, безусловно, пробила брешь в цепи капиталистических государств и бросила вызов капитализму. Безусловно и то, что советская система и сегодня по отношению к странам свободного предпринимательства является системой-конкурентом. Но суть сегодняшнего конфликта, так называемого конфликта Восток—Запад, это державное и военное соперничество. Ведь несмотря на отсутствие при советской системе

массовой безработицы и вопреки действительно обретенной социальной уверенности в странах советской системы, правящие круги развитых стран свободного предпринимательства вовсе не озабочены тем, что советская система может стать предпочтительной альтернативой. Напротив, наиболее консервативные круги западных государств именно так ставят вопрос: либо статус кво — либо советская система, поскольку возможность победы советской системы действует устрашающе на большую часть населения развитых демократических стран.

Нынешний развитый капитализм как общественная система озабочен совсем другими проблемами, вызванными, в основном, процессом его внутреннего развития. В первую очередь, это относится к развитию производительных сил (социальные последствия так называемой научно-технической революции) и к отношениям между центральными и периферийными зонами мирового капитализма (конфликт Север—Юг). Эти процессы программа КПСС не подвергла серьезному анализу и описывает их приблизительно так же, как и четверть века назад.

Так, например, в программе констатируется, что научно-технический прогресс ведет к безработице. Между строк можно прочесть что в результате этот процесс может привести к тому, что свои надежды трудящиеся свяжут с советской системой. В программе ничего не говорится о различиях между безработицей нынешней и прошлых периодов в странах свободного предпринимательства. В действительности же, нынешняя безработица обусловлена не спадом рыночной конъюнктуры, а структурными изменениями производственного процесса и представляет собой верхушку айсберга, который еще выплывет на поверхность в будущие десятилетия.

Одна лишь революция в области микроэлектроники (без учета перемен в других сферах производительных сил) ведет к полному изменению значения наемного, да и всякого другого труда в жизни общества. Прогнозы специалистов в этой области неодинаковы, но можно ожидать, что минимум 25% (не исключено, что и более 50%) рабочих мест, требующих физического или малоквалифицированного умственного труда, будут заменены автоматами и электровычислительными машинами.

Это, разумеется, вызовет к жизни социальные процессы,

полностью дискредитировала программу „строительства коммунизма” не только в СССР, но и в мире.

Новая программа КПСС, правда, констатирует, что „в 70-е и в начале 80-х годов в развитии страны, наряду с достигнутыми и бесспорными успехами, имели место определенные неблагоприятные тенденции и трудности”, и что не были своевременно сферах жизни”. Это утверждение, однако, еще дальше от критического анализа неудач, чем заявления Хрущева о „деформациях, обусловленных культом личности Сталина” от критического анализа катастроф и трагедий в истории СССР до 1961 г. обусловленных культом личности Сталина”.

Призма умерщвленной идеологии

Старая и новая программы КПСС рассматривают и мир и советское общество сквозь все ту же идеологическую призму, искажающую действительность в соответствии с заданной позицией, как будто бы двадцатипятилетнее развитие обществ свободного предпринимательства не принесло ничего нового. В соответствии с программой КПСС, главной опасностью, главным вызовом капитализму является наличие советской системы, которая указывает человечеству пути решения всех проблем. Именно поэтому „авангард всех сил мирового революционного процесса — международное коммунистическое движение”. Поскольку даже советская пропаганда не в состоянии доказать, что Коммунистическая партия США или партия Герберта Миса в ФРГ оказывают хоть какое-то влияние на положение в этих странах, из этого вытекает, что „мировой революционный процесс”, направленный на качественные изменения капитализма, в принципе не имеет места и ничего революционного в рамках капитализма не происходит.

В действительности, однако, все совершенно иначе. Октябрьская революция, безусловно, пробила брешь в цепи капиталистических государств и бросила вызов капитализму. Безусловно и то, что советская система и сегодня по отношению к странам свободного предпринимательства является системой-конкурентом. Но суть сегодняшнего конфликта, так называемого конфликта Восток—Запад, это державное и военное соперничество. Ведь несмотря на отсутствие при советской системе

массовой безработицы и вопреки действительно обретенной социальной уверенности в странах советской системы, правящие круги развитых стран свободного предпринимательства вовсе не озабочены тем, что советская система может стать предпочтительной альтернативой. Напротив, наиболее консервативные круги западных государств именно так ставят вопрос: либо статус кво — либо советская система, поскольку возможность победы советской системы действует устрашающе на большую часть населения развитых демократических стран.

Нынешний развитый капитализм как общественная система озабочен совсем другими проблемами, вызванными, в основном, процессом его внутреннего развития. В первую очередь, это относится к развитию производительных сил (социальные последствия так называемой научно-технической революции) и к отношениям между центральными и периферийными зонами мирового капитализма (конфликт Север—Юг). Эти процессы программа КПСС не подвергла серьезному анализу и описывает их приблизительно так же, как и четверть века назад.

Так, например, в программе констатируется, что научно-технический прогресс ведет к безработице. Между строк можно прочесть что в результате этот процесс может привести к тому, что свои надежды трудящиеся свяжут с советской системой. В программе ничего не говорится о различиях между безработицей нынешней и прошлых периодов в странах свободного предпринимательства. В действительности же, нынешняя безработица обусловлена не спадом рыночной конъюнктуры, а структурными изменениями производственного процесса и представляет собой лишь верхушку айсберга, который еще выплывет на поверхность в будущие десятилетия.

Одна лишь революция в области микроэлектроники (без учета перемен в других сферах производительных сил) ведет к полному изменению значения наемного, да и всякого другого труда в жизни общества. Прогнозы специалистов в этой области неодинаковы, но можно ожидать, что минимум 25% (не исключено, что и более 50%) рабочих мест, требующих физического или малоквалифицированного умственного труда, будут заменены автоматами и электровычислительными машинами.

Это, разумеется, вызовет к жизни социальные процессы,

существенно отличающиеся от конфликтов, сопровождавших массовую безработицу в прошлом. Можно сказать, что ныне промышленное производство столкнулось с проблемой, которую в прошлом пережили ремесла и сельское хозяйство. Новые производственные и общественные процессы потребуют новых решений и новых методов, поскольку классовая борьба уже изжила себя.

Перемены произойдут и при распределении общественного богатства, причем ни титул собственника, ни принцип вознаграждения индивидуума в зависимости от его труда не будут решающими критериями. Неизбежно будут приняты во внимание интересы в с е х классов и слоев общества.

Иными словами, позитивное (т. е. отвергающее деструктивное) решение можно реализовать, лишь обеспечив влияние всего общества на формирование целей, ради которых распределяется общественное богатство. Такие решения необходимо осуществляются не через конфликт, но путем сотрудничества всех общественных сил.

Таким образом, наиболее важная задача заинтересованных в участии при решении неотложных проблем — критический и объективный анализ новых экономических и социальных процессов, поиск соответствующих политических средств (включая союзы между новыми социальными силами), изучение и оценка альтернатив, отказ от традиционных упрощенных догм. Утверждение, что коммунистическому движению, пуповиной привязанному к Октябрьской революции, выпала роль „авангарда всех сил мирового революционного процесса”, лишь затрудняет осознание новых проблем. Исходящие из этого утверждения эгоцентрически углублены в себя и оказываются слепыми перед лицом подлинно революционных процессов, которые они отрицают, поскольку те происходят не на той стороне баррикад и не в соответствии с догмой. Карл Маркс, однако, вовсе бы не удивился, обнаружив, что качественное изменение капиталистических производственных отношений является следствием развития производительных сил, а не результатом того, что в СССР вот уже почти семьдесят лет правит большевистская партия.

Точно так же, то есть через призму интересов советской империи, рассматривает новая программа КПСС и второй революционный процесс в странах свободного предпринимательства — конфликт между Севером и Югом. Хрущев, формулируя идею о „некапиталистических путях развития” стран третьего мира, недооценивал сложность экономических проблем, их связь с мировым капиталистическим рынком, и в то же время переоценивал экономические возможности „социалистического лагеря”, то есть возможность стран советской сферы влияния оказать существенную экономическую помощь странам Третьего мира. Сейчас даже Фидель Кастро реалистически оценивает сложившуюся обстановку и в качестве первоочередной задачи выдвигает перед латиноамериканскими государствами освобождение от иностранной задолженности. Только после этого, утверждает Кастро, можно думать о всех остальных проблемах. Критики левого толка осудили это заявление Кастро, исходя из того, что первоочередной задачей является революция наподобие кубинской. Однако Кастро совершенно однозначно заявил, что кубинскую модель „нельзя воспроизводить до бесконечности, поскольку не бесконечны ресурсы социалистического лагеря”.

С 1961 г. Советский Союз накопил дополнительный опыт в отношении стран Третьего мира — достаточно вспомнить Кубу, Египет, Афганистан. После всего этого повторение тезиса, что конфликт между Севером и Югом является производной от конфликта Восток—Запад, еще раз доказывает, что господствующая в СССР идеология не только косна, но и политически безответственна по отношению к жизненно важным (в особенности экономическим) проблемам Третьего мира.

Проблемы истории социалистических государств

Советская идеология рассматривает развитие социализма как процесс, который начинается с приходом к власти коммунистической партии — это одна из догм, не претерпевших никаких изменений со сталинских времен. Неудивительно поэтому, что в новой версии Программы КПСС эта догма осталась неизменной. Во времена Хрущева положение было проще. В „миро-

вую социалистическую систему” входили совершенно конкретные государства, и в Программе КПСС от 1961 г. все они перечислены; среди „социалистических” стран мы найдем и Китай. Только относительно Югославии говорилось тогда, что ревизионистская политика ее руководителей создала опасность ликвидации революционных завоеваний югославского народа.

С тех пор произошел раскол между СССР и Китаем, и были моменты, когда никто в СССР не подписался бы под заявлением, что Китай — социалистическое государство. В рамках „мировой социалистической системы” произошли (как их официально называют) „события” — в 1968 г. в Чехословакии и в 1980—1981 гг. в Польше. Можно было бы ожидать, что о них будет упомянуто хотя бы одним словом в разделах новой программы КПСС о развитии „мировой социалистической системы” и о сотрудничестве с социалистическими странами.

Но новый вариант программы обходит все эти вопросы молчанием. Правда, и в нем говорится о социализме как о „мировой системе”, но уже не ясно, какие страны эту систему составляют. Более конкретное значение имеет „социалистическое содружество” — оно идентично Организации Варшавского договора и странам-членам Совета Экономической Взаимопомощи. Китай просто куда-то исчез — в программе он даже не упоминается. А если можно умолчать о Китае, то не удивительно, что перестала существовать и Югославия (не говоря уже об Албании). О „социалистическом содружестве” мы читаем, что „история не знала такого сообщества стран, где никто не имеет и не может иметь особых прав и привилегий”, что в этом сообществе все развивается в гармонии и братстве и что гарантией дальнейшего расцвета является „использование общих закономерностей в конкретных условиях каждой из социалистических стран”. Но ни слова не говорится о том, что именно в связи с последним положением возникают определенные вопросы, так же, как полностью умалчивается советско-китайский конфликт и уже упоминавшиеся нами „события” в Чехословакии и Польше.

Возможно, однако, что такой метод „принципиального решения” результат не только окаменевшей идеологии. Не исключено, что этот метод отражает некоторое оживление полити-

ческого, прагматического подхода. Ведь в настоящий момент действительно лучше не писать ничего, чем писать то, чего требует нынешняя официальная линия. Тем самым вопрос остается открытым: не исключено, что КПСС в конце концов признает Китай частью „мировой социалистической системы”, а такое признание имело бы далеко идущие и совершенно конкретные последствия для понимания как социалистической системы, так и социализма — к этому же авторы программы КПСС еще не готовы.

Лучше, что в программе вообще ничего не сказано о 1968 г. в Чехословакии, чем если бы в ней повторялись обвинения из брошюры „Уроки кризисного развития КПЧ”, изданной в 1970 г. Раз в программе ничего не говорится, то это позволяет в будущем высказать иные взгляды. Весьма вероятно, что когда КПСС вплотную станет изучать, почему в 70-е годы в СССР „не были своевременно и должным образом оценены изменения в экономической ситуации, необходимость глубоких сдвигов во всех сферах жизни”, будут сделаны выводы, что подавление советскими танками чехословацких попыток реформ в значительной степени этому воспрепятствовало.

Проблемы войны и мирного сосуществования

Анализируя некоторые формулировки новой программы КПСС, можно увидеть, что с приходом к власти Горбачева несколько оживился политический подход, ставший заметнее прежнего чисто идеологического. Положительным является, в частности, перевес политического подхода в самом важном вопросе современности — о войне. В обеих версиях программы проблема войны и мира определяется как самая насущная проблема современности. Этим, однако, аналогия заканчивается и на передний план выступают различия в формулировках.

Хрущевская программа рассматривала вопрос войны и мира так: война перестала быть неизбежной, потому что мощь СССР и всего „социалистического лагеря” такова, что „силы империализма” не решатся развязать новую войну. Под словом „мощь” подразумевалась не только военная сила, но, безусловно, военная сила составляла эту мощь в первую очередь. Такой подход

определялся упрощенным и весьма опасным логическим рассуждением, а именно: чем большей будет сила СССР (и в первую очередь, военная сила), тем прочнее будет гарантия мира. Иными словами, советские ракеты — это „ракеты мира“.

В программе 1961 г. говорилось о возрастающем превосходстве сил социализма над силами империализма как об основной гарантии мира. Если империалистические агрессоры все же решатся развязать новую мировую войну, народы мира не потерпят больше строй, который ввергает их в разрушительную войну. Они сметут и похоронят империализм. Таким образом, мы, конечно, не хотим войны, но если она начнется, это будет означать конец империализма и нашу победу.

Проблеме контроля над вооружениями в программе 1961 г. посвящено лишь одно предложение: „стремиться к всеобщему и полному разоружению под строгим международным контролем“. (Обр. перевод с чешского. — Ред.) Кроме того, в программе содержались призывы общего характера — к расформированию военных блоков, к ликвидации военных баз на территории иностранных государств и к прекращению пропаганды времен „холодной войны“.

Для новой версии программы КПСС характерны иные аргументы и иная логика. отождествление СССР с главной силой мира, разумеется, остается в силе. Однако решающим фактором сохранения мира и предотвращения войны считается уже характер ядерной войны. Речь идет об угрозе глобального военного конфликта, в результате которого не оказалось бы ни победителей, ни побежденных, но могла бы погибнуть мировая цивилизация.

Военная мощь сохраняет решающую роль, но в программе не подчеркивается необходимость ее дальнейшего роста. „Историческим достижением социализма явилось установление военно-стратегического паритета между СССР и США... В сохранении этого равновесия — серьезная гарантия обеспечения мира и международной безопасности“. Иными словами: советские ракеты продолжают оставаться „ракетами мира“, но в то же время признается, что увеличение числа и мощности таких ракет делу мира не послужит.

О необходимости и возможностях разоружения новая программа КПСС говорит конкретнее, чем программа 1961 г., она определяет различные пути сокращения вооружений, в ней говорится об „ограничении и сужении сферы военных приготвлений“ и о „замораживании и сокращении войск и вооружений в наиболее взрывоопасных районах планеты“. В новой программе декларируется также, что „нет такого оружия, которое Советский Союз не был бы готов ограничить или запретить на взаимной основе с применением действенного контроля“.

Новшеством в программе КПСС является формулировка о взаимоотношениях партии и армии: коммунистическая партия руководит „военным строительством“ и разработкой „советской военной доктрины, имеющей сугубо оборонительный характер и направленной на защиту от нападения извне“. То есть речь идет о партийном контроле над военнопромышленным комплексом.

Все это, разумеется, только слова, и опыт нас учит, что на практике такого рода слова не имеют никакого смысла. Советские действия в Чехословакии в августе 1968 г. и в Афганистане в 1979 г. тоже ведь до сегодняшнего дня называются „актом обороны“. И все же на этот раз слова звучат не так, как прежде.

О мирном существовании различных экономико-социальных систем в новой программе КПСС тоже говорится не так, как во времена Хрущева. Несмотря на сходные черты в идеологическом понимании этого вопроса, все же замечаются серьезные различия. По Хрущеву, мирное сосуществование является базой мирного соревнования между социализмом и капитализмом в международном масштабе и представляет особую форму классовой борьбы между ними. Для социалистических стран — по Хрущеву — из этого вытекает задача постоянного укрепления позиций мировой социалистической системы в ее соревновании с капитализмом.

Этих формулировок в новой программе нет. О мирном сосуществовании в ней говорится лишь как о сосуществовании государств с различным общественным устройством и определяется оно так: „Это не просто отсутствие войн. Это такой меж-

дународный порядок, при котором господствовала бы не военная сила, а добрососедство и сотрудничество, происходил широкий обмен достижениями науки и техники, ценностями культуры на пользу всех народов". Далее мирное сосуществование увязывается с тем, что средства, ныне затрачиваемые на вооружения, будут служить решению „коллективными усилиями всех государств глобальных проблем человечества”.

Исторический опыт учит нас, что между советской пропагандой и подлинной политикой советской державы существует огромное несоответствие. Это заставляет нас быть осторожными при оценке политического значения новых формулировок в программе КПСС. И все же нельзя отрицать, что при определении позиции по важнейшим международным проблемам в большей степени, чем при рассмотрении других вопросов, заметен перевес воскресенной политики над косной идеологией.

Автопортрет советской системы

В программе 1961 г. и в новой программе КПСС советская система рассматривает себя сквозь призму идеологии, согласно которой всего положительного, всяческих успехов может добиться только советская система, а негативные явления ничего общего с системой не имеют, они — лишь результат халатности, ошибок и „неиспользования преимуществ” советской системы. Такой взгляд, то есть взгляд сквозь призму идеологии, позволяет, с одной стороны, признать, что советская экономика еще не приступила к использованию интенсивных факторов экономического роста (задача, поставленная в 1961 г. и неоднократно подтверждавшаяся в последующие годы), а с другой стороны, декларировать, что советский социализм — это общество, в котором „открыт широчайший простор динамическому и планомерному развитию производительных сил”.

Советская система характеризует себя как воплощение извечных прогрессивных идеалов человечества. Благодаря советской системе было „устранено не только социальное, но и национальное неравноправие... была установлена и развивается подлинная демократия... идеи свободы, прав человека, достоинства личности наполнены реальным жизненным содержанием” и т.д.

При таком подходе авторам, разумеется, даже в голову не приходит задаться вопросом, не требует ли выполнение задач, которые они сами выдвигают, каких-либо изменений в определяемых системой отношениях между обществом и властью, между правителями и управляемыми, между различными общественными группами, объединенными по интересам, и индивидуумами. Все эти вопросы представляют собой идеологическое табу. Система довольна собой и никакой дискуссии о себе не допускает.

При таких установках было бы нелепо ожидать, что в новой программе КПСС мы найдем хотя бы намек на какую-либо реформистскую концепцию, предусматривающую системные изменения. И все же, мне думается, и в этом в новой версии программы влияние воскресшей политики перевешивает косную идеологию. Положительное в формулировках, свидетельствующих об этом, — то, что они не закрывают принципиально двери перед возможной дискуссией и поисками новых путей в будущем.

В первую очередь следует отметить новую формулировку о взаимосвязи между социализмом и коммунизмом. „Социализм и коммунизм являются двумя последовательными фазами единой коммунистической формации. Между ними нет резкой грани”, — говорится в новой программе.

Значение этих слов следует понимать в контексте предшествующего развития. Хрущев в своей программе обещал построить коммунизм к 1980 г. По мере приближения этой даты Брежневу становилось ясно, что о коммунизме лучше вообще не упоминать. Тогда-то и расцвела идея „реального социализма”, констатировавшая, что социализм — это то, что „реально существует” в советской системе. Критерием правильности социалистической практики стало, таким образом, „реальное наличие” определенной практики и только, а не теория, не социалистическое мышление.

В благоприятных условиях, которые, разумеется, не могут быть созданы словами, а только способностью нового руководства КПСС на практике провести перемены и реформы, новые формулировки программы могли бы разорвать заколдованный круг идеологии „реального социализма”, поскольку

эти новые формулировки не препятствуют постепенному возвращению к критерию проверки правильности социалистической практики теоретическими представлениями и гипотезами.

Постепенному расширению дискуссии о принципиальной экономической реформе не препятствует и часть новой программы, посвященная проблемам управления народным хозяйством. С точки зрения официальной советской идеологии, некоторые формулировки этого раздела зашли довольно далеко. Там, например, говорится, что и в советской системе могут возникнуть противоречия (пусть и неантагонистические) между производительными силами и производственными отношениями и что предпосылки ускорения „партия видит в постоянном усовершенствовании производственных отношений, поддержании их устойчивого соответствия динамично развивающимся производительным силам”. Такого рода идеологическая формулировка позволяет в будущей дискуссии об экономической реформе затронуть систему общественных (и политических) отношений, включая категорию социалистической собственности.

Очень мало, но хоть искру нового можно найти в недавно принятой программе КПСС и о различиях в общественных интересах, которые проявляются в советском обществе. В программе говорится, что управление „призвано обеспечить оптимальное сочетание личных интересов, интересов трудовых коллективов, различных социальных групп с общегосударственными, общенародными интересами и таким образом использовать их как движущую силу роста экономики”. Достижение небольшое, лишь слегка касающееся основной из имманентных системе проблем, а именно полного или почти полного отсутствия у различных социальных групп и индивидуумов возможности сформулировать свои интересы и выступить в качестве политического фактора. Именно поэтому в советской системе невозможно демократическое выявление интересов большинства и меньшинства. Обратные связи между властью и обществом, как и весь процесс обмена информацией, деформированы, функционируют преимущественно лишь в одном направлении — „сверху вниз”. Этому соответствует существующая институциональная структура и экономического и политического руководства.

Если КПСС действительно заинтересована в достижении тех целей, которые она ставит перед собой в области экономики, советское руководство вынуждено будет изменить внутреннюю динамику советского общества таким образом, чтобы оно смогло достичь результатов, сравнимых с достижениями западных стран индустриальной демократии. Такие перемены могут начаться с признания различий в интересах разных групп общества и личностей. Программа КПСС ограничивается, однако, лишь робким намеком, она не только не отвечает на этот вопрос, но даже четко не ставит его.

Различными общественными интересами программа в действительности занимается в тех разделах, где о них прямо не упоминается — в разделе о социальной политике партии. Само понятие „социальная политика” — новое в советском официальном идеологическом словаре. В этом разделе различные социальные интересы и потребности групп и индивидуумов рассматриваются как *объект заботы* политической власти, то есть они выступают в такой же роли, как в капиталистических государствах с весьма широкой программой социального обеспечения.

Люди с их индивидуальными интересами в советской системе признаны субъектами в новой формулировке о „повышении роли человеческого фактора” как о предпосылке успешного развития общества. Это тоже новинка. В закодированном виде и на бюрократическом языке, издавелока и невнятно здесь слышится, что, в конечном итоге, в советском обществе все будет зависеть от того, как люди будут себя чувствовать в этой системе и что они сделают или не станут делать по собственной инициативе.

Последнее, в чем я усмотрел положительное влияние воскресшей политики на косную идеологию, это проблема государства и общественного самоуправления. Социалистическое общественное самоуправление было одним из центральных пунктов хрущевской программы. Правда, ни в теории, ни на практике, не уточнялось, чем такое „самоуправление” отличается от „участия трудящихся в управлении”, но все же это было определенной попыткой расширить рамки этатизма советской системы.

Эту же попытку воскресила и новая версия программы. Предполагать, что возобновление идеи „самоуправления” сыграет какую-то положительную роль, можно лишь в историческом контексте. Ведь Брежнев фактически запретил какие-либо упоминания о самоуправлении. В Конституции СССР 1977 г. этого слова вообще нет. Напротив, главным инструментом строительства коммунизма в этой конституции объявлено государство, задача которого „создать” не только материально-техническую базу коммунизма, но и „обеспечить преобразование” социалистических отношений в коммунистические и „воспитать человека коммунистического общества”.

Возвращение к идеологическим понятиям двадцатипятилетней давности в данный момент является шагом вперед. Оно создает возможность дискуссии о демократизации советской системы. В этой связи немаловажно, что новая программа КПСС понимает трудовой коллектив как самостоятельный, характерный для советского общества субъект, которому предстоит стать „действенной социальной ячейкой социалистического самоуправления народа”. На этот путь вступил уже Андропов, при котором был принят „Закон о трудовых коллективах”. Из этого закона, кстати, вытекает, что его основная цель — включить „трудовой коллектив” как „ячейку” в бюрократическую систему. И все же это реакция советской бюрократии на то, что советская система *не является* „свободной ассоциацией свободных производителей”, о которой говорил Маркс. Возможно, уроки Польши 1980—1981 гг. способствовали тому, что этот вопрос был вновь затронут.

В действительности руководство вряд ли будет форсировать создание системы подлинного самоуправления, но не исключено, что именно на эти положения программы КПСС будут опираться сторонники ограниченной демократизации. Об этом можно судить по горбачевским комментариям к проекту программы, в которых он „всячески подчеркивал”, что без всестороннего расширения и углубления социалистической демократии нельзя успешно идти вперед. Горбачев заявил также, что ценен каждый реальный шаг в расширении гласности, в усилении контроля снизу, по углублению демократических принципов в деятельности всех государственных и общественных организаций.

Подобные фразы мы уже слышали столько раз, что сами по себе они не могли бы пробудить никаких новых надежд. Но им придают некоторое значение очевидные перемены в стиле работы советского руководства при Горбачеве.

* * *

Один из видных марксистских теоретиков в разговоре со мной назвал новую программу КПСС „полной катастрофой”. Он имел при этом в виду совершенную неспособность советской идеологии не только ответить на новые вопросы, но даже осознать их — особенно относительно развития современных обществ за пределами советской системы. В этом смысле трудно ему возразить.

Я, однако, считаю, что существует еще один аспект: ведь если бы не проявилось влияние политического подхода, то есть как бы воскресшей политики, то программа могла бы быть намного хуже. Не следует удивляться неспособности советской идеологии создать теоретическую концепцию, разработать критический анализ прошлого и вероятный прогноз будущего. Если бы это случилось, это было бы чудом. Подлинной же катастрофой после 1961 г. было „развитие” советской системы в 70-е годы, вернее, — после 1968-го. Нынешнее состояние идеологии — прямой результат практики тех времен.

Не программа КПСС знаменует начало перемен в советской политике. Эти перемены начались и продолжаются, потому что советская правящая верхушка как социальный слой вступила в новую фазу развития, — и по отношению к этой верхушке стали применять такие критерии как производительность, эффективность, квалификация. Только соответствуя таким критериям, этот слой сможет руководить обществом иначе, чем его предшественники. А если он окажется неспособным к этому, то любая программа останется всего лишь клочком бумаги.